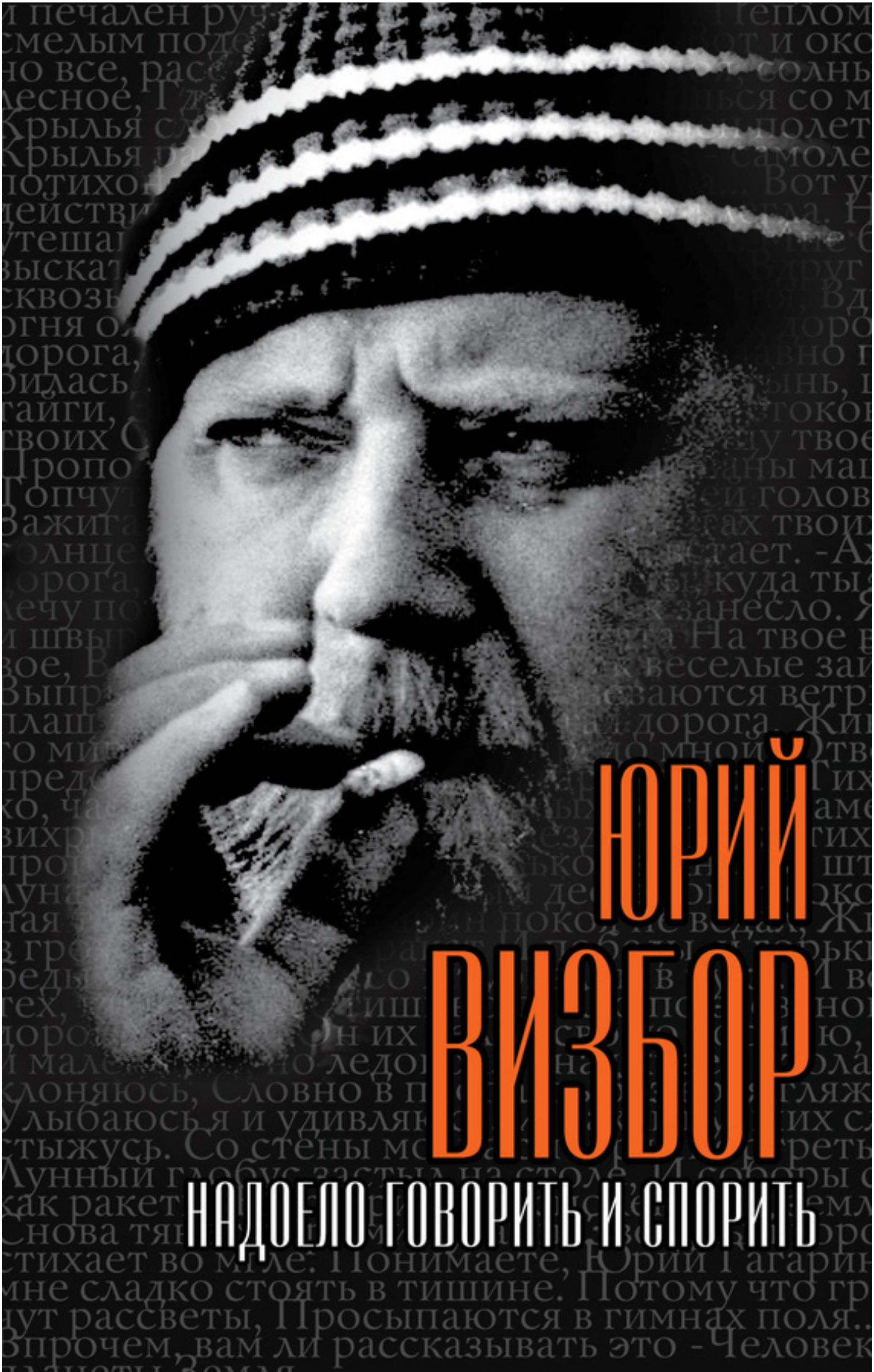

ЮРИЙ ВИЗБОР

НАДОЕЛО ГОВОРИТЬ И СПОРИТЬ

Легенды авторской песни

Юрий Визбор

Надоело говорить и спорить

«Алисторус»

2012

Визбор Ю. И.

Надоело говорить и спорить / Ю. И. Визбор — «Алисторус», 2012 — (Легенды авторской песни)

Один из основателей жанра авторской песни Юрий Визбор был поразительно многогранной личностью. По образованию – педагог, по призванию – журналист, поэт, бард, актер, сценарист, драматург. В молодости овладел и другими профессиями: радист первого класса, в годы армейской службы он летал на самолетах, бурил тоннель на трассе Абакан-Тайшет, рыбачил в северных морях… Настоящий мужской характер альпиниста и путешественника проявился и в его песнях, которые пользовались особой популярностью в 1960-1970-е годы. «Песня альпинистов», «Бригантина», «Милая моя», «Если я заболею…» Юрия Визбора звучат и поныне, вызывая ностальгию по ушедшей романтической эпохе.Размышления вслух, диалоги со зрительным залом, автобиографические подробности Юрия Визбора, а также воспоминания о нем не только объясняют секрет долголетия его творчества, но и доносят дух того времени.

© Визбор Ю. И., 2012
© Алисторус, 2012

Содержание

Автобиография 5
Синий перекресток 8
Репшнур-веревочка 8
Автор песни 12
Люди идут по свету 17
Легенда седого Эльбруса 19
Бечо – трасса мужества 19
Над Кавказом – знамя красное! 21
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Юрий Визбор
Надоело говорить и спорить

Автобиография
Вместо предисловия

…написать о себе. Предмет этот, столь интересовавший меня раньше и заставлявший подолгу рассматривать свои собственные изображения на бромпортрете и унибромe, произведенные фотоаппаратом «Фотокор», и полагать в тринадцать лет, что к тому времени, когда я стану умирать, будет произведено лекарство от смерти, и завязывать в ванной старой наволочкой голову после мытья – чтобы волосы располагались в том, а не в ином порядке, и изучать свою улыбку… Предмет этот, повторяю, с годами утратил для меня свою привлекательность. Более того, чем больше я наблюдаю за ним – а наблюдать приходится, никуда от него не денешься – тем больше мое «альтер эго» критикует, а порой и негодует по поводу внешнего вида, поступков и душевной слабости описываемого предмета…
Ю. Визбор

Я родился по недосмотру 20 июня 1934 года, в Москве, в родильном доме имени Крупской, что на Миуссах. Моя двадцатилетняя к тому времени матушка Мария Шевченко, привезенная в Москву из Краснодара молодым, вспыльчивым и ревнивым командиром, бывшим моряком, устремившимся в семнадцатом году из благообразной Литвы в Россию Юзефом Визборасом (в России непонятное для пролетариата «ас» было отброшено и отец мой стал просто Визбором), – так вот, отяжелев мною, направилась матушка как-то со мною внутри сделать аборт, чтобы избавить свою многочисленную родню – Шевченок, Проценко, Яценко от всяческих охов и ахов по поводу столь раннего материнства. Однако дело у нее это не прошло. В те времена – да простят мне читатели эти правдивые подробности, но для меня, как вы можете предположить, они были жизненно важны – в те времена необходимо было приносить с собой свой таз и простыню, чего матушка по молодости лет не знала. Так она и ушла ни с чем (то есть со мной). Вооружившись всем необходимым, она снова явилась, но в учреждении был не то выходной день не то переучет младенцев. Таким образом, различные бюрократические моменты, неукоснительное выполнение отдельными работниками приказов и наставлений сыграли решающую роль в моем появлении на свет. Впрочем, были и иные обстоятельства – отец получил назначение в Сталинобад, с ним отправилась туда и матушка. За два месяца до моего рождения отец получил пулю из маузера в спину, в миллиметре от позвоночника. Мы вернулись в Москву, и вот тут-то я как раз и родился.

Как ни странно, но я помню отца. Он был неплохим художником и писал маслом картины в консервативном реалистическом стиле. Он учил рисовать и меня. До сих пор в нашем старом и разваливающемся доме в Краснодаре висит на стене «ковер», картина, написанная отцом, в которой и я подмалевывал хвост собаки и травку. Впрочем, это я знаю только по рассказам. Первое воспоминание – солнце в комнате, портупея отца с наганом, лежащая на столе, крашеные доски чисто вымытого пола, с солнечным пятном на них, отец в белой майке стоит спиной ко мне и, оборотясь к матушке, располагавшейся в дверях, что-то говорит ей. Кажется, это был выходной день. (Понятия «воскресенье» в эти годы не существовало.) Я помню, как арестовывали отца, помню и мамин крик. В 1958 году мой отец Визбор Иосиф Иванович был посмертно реабилитирован.

После многих мытарств мама (образование – фельдшерица) взяла меня и мы отправились в Хабаровск на заработки. Я видел дальневосточные поезда, Байкал, лед и торосы на Амуре, розовые дымы над вокзалом, кинофильм «Лунный камень», барак, в котором мы жили, с дверью, обитой войлоком, с длинным полутемным коридором и общей кухней с бесконечными керосинками. Потом мы, кажется так и не разбогатев, вернулись в Москву. Мы жили в небольшом двухэтажном доме в парке у академии им. Жуковского. В башнях этого петровского замка были установлены скорострельные зенитные пушки, охранявшие Центральный аэродром, и при каждом немецком налете на нас сыпался град осколков. Потом мы переехали на Сретенку в Панкратьевский переулок. Мама уже училась в медицинском институте, болела сыпным тифом и возвратным тифом, но осталась жива. Я ходил в школу то на улицу Мархлевского, то в Уланский переулок. Учились мы в третью смену, занятия начинались в семь вечера. На Сретенке кто-то по ночам наклеивал немецкие листовки. В кинотеатре «Уран» шел «Багдадский вор» и «Джордж из Динки-джаза», и два известнейших налетчика по кличке Портной и Зять фланировали со своими бандами по улице, лениво посматривая на единственного на Сретенку постового старшину по кличке Трубка. Все были вооружены – кто гирькой на веревке, кто бритвой, кто ножом. Ухажер моей тетки, чудом вырвавшейся из блокадного Ленинграда, Юрик, штурман дальней авиации, привозил мне с фронта то германский парабеллум (обменян на билет в кинотеатр «Форум» на фильм «Серенада солнечной долины»), то эсэсовский тесак (отнят у меня в угольном подвале местным сретенским огольцом по кличке Кыля). В школе тоже были свои события – то подкладывались пистоны под четыре ножки учительского стола, то школьник Лева Уран из персов бросил из окна четвертого этажа парту на директора школы Малахова, но не попал.

Отчим – рабфаковец, министерский служащий – то бил меня своей плотницкой рукой, то ломал об меня лыжи. Летом мы с матушкой ездили на станцию «Северянин», примерно в то место, где сейчас расположена станция техобслуживания ВАЗа, и собирали крапиву на суп и ромашку и полынь против клопов.

Я стоял на Садовом кольце у больницы имени Склифосовского, когда через Москву гнали немцев в сорок третьем году. Я видел первые салюты – за Белгород и Орел. Ночью 8 мая все сретенские дворы высыпали на улицу. 9 мая на Красной площади меня едва не задавила толпа и спас меня сосед Витя, бросивший меня на крышу неизвестно чьей «Эмки».

Вскоре мы переехали на Новопесчаную улицу, где стояли всего четыре дома, только что построенные пленными немцами. Иногда они звонили в квартиру и просили хлеб. По вечерам студент Донат выносил на улицу трофейную радиолу «Телефункен» и под эти чарующие звуки на асфальте производились танцы. Коля Малин, ученик нашего класса, впоследствии известный ватерполист и тренер, получил в подарок от отца-штурмана магнитофон американского производства, и весь класс ходил смотреть на это чудо. В ресторане «Спорт» на Ленинградском шоссе «стучал» непревзойденный ударник всех времен Лаци Олах, подвергавшийся жестоким ударам со стороны молодежных газет. В доме мне жизни не было, и я фактически только ночевал в своей квартире. Отчим, приобретший телевизор КВН, по вечерам садился так, что полностью закрывал своим затылком крошечный экран. Впрочем, матушка, уже к тому времени врач, нашла противоядие, как-то сказав ему, что телевизионные лучи с близкого расстояния пагубно действуют на мужские достоинства. Отчим стал отодвигаться от экрана, но это обстоятельство никак счастья в семье не прибавило.

В те годы мне в руки впервые попалась гитара и нашлись дворовые учителя. Гитара общепринято считалась тогда символом мещанства. Один великий написал: «гитара – инструмент парикмахеров», оскорбив сразу и замечательный инструмент, и ни в чем не повинных тружеников расчески.

В четырнадцать лет под влиянием «большой принципиальной любви» в пионерском лагере, где я работал помощником вожатого, я написал первое стихотворение, которое начиналось следующим четверостишием:

Сегодня я тоскую по любимой,
Я вспоминаю счастье *прежних* дней.
Они, как тучки, *пронеслися* мимо,
Но снова *страсть* горит в груди моей.

Тетрадка с тайными виршами была обнаружена матушкой при генеральной уборке. Состоялось расследование насчет «прежних дней». На следующий день на своем столе я обнаружил «случайно» забытую матушкой брошюру «Что нужно знать о сифилисе». Все-таки матушка была прежде всего врачом.

О себе я полагал, что стану либо футболистом, либо летчиком. Под футбол подводилась ежедневная тренировочная база в Таракановском парке. Под небо существовал 4-й московский аэроклуб, куда я с девятого класса и повадился ходить. Дома мне никакой жизни не было, и я мечтал только о том, что я окончу школу и уеду из Москвы в училище. Я даже знал в какое – в г. Борисоглебске. Два года я занимался в аэроклубе, летал на По-2 и чудесном по тем временам Як-18. Когда окончил учебу (в десятый класс был переведен «условно» из-за диких прогулов и склонности к вольной жизни) и получил аттестат зрелости, вообще переехал жить на аэродром в Тайнинку. Но однажды туда приехала мама и сказала, что она развелась с отчимом. С невероятной печалью я расстался с перкалевыми крыльями своих самолетов и отправился в душную Москву поступать в институт, куда я совершенно не готовился. Три вуза – МИМО, МГУ и МИГАИК – не сочли возможным видеть меня в своих рядах. В дни этих разочарований мне позвонил приятель из класса Володя Красновский и стал уговаривать поступать вместе с ним в пединститут. Мысль эта мне показалась смешной, но Володя по классной кличке Мэп (однажды на уроке он спутал английское слово «мэм» с «мэп») уговорил меня просто приехать и посмотреть это «офигительное» здание. Мы приехали на Пироговку, и я действительно был очарован домом, колоннами, светом с высоченного стеклянного потолка. Мы заглянули в одну пустую и огромную аудиторию – там сидела за роялем худенькая черноволосая девушка и тихо играла джазовые вариации на тему «Лу-лу-бай». Это была Света Богдасарова, с которой я впоследствии написал много песен. Мы с Мэпом попереминались с ноги на ногу, и я ему сказал: «Поступаем».

Был 1951 год. Я неожиданно удачно поступил в институт, и только много позже, лет через десять, я узнал, что мне тогда удалось это сделать только благодаря естественной отеческой доброте совершенно незнакомых мне людей. Потом были – институт-песни, походы-песни, армия на Севере, возвращение, дети, работа, поездки, горы, море и вообще – жизнь.

Но обо всем этом – уже в песнях.

1981

Синий перекресток

Журналистика – моя единственная профессия. Сейчас я занимаюсь киножурналистикой, документальным кино. Я получил пять премий за свои работы в документальном кинематографе, три из них – международные. Это моя основная работа, которую я люблю. Документальное кино – это во многом нераспаханное поле, а если оно и пашется, то по каким-то консервативным канонам. Там очень много возможностей для различных изобретений. В частности, я много занимался морской темой. Три раза я прошел Северный морской путь на судах и ледоколах и на двух фестивалях «Человек и море» получил разные призы за свои документальные произведения. Сам не скажешь – никто ведь не узнает.
Из интервью 1977 г.

Репшнур-веревочка

Несколько лет назад я с группой туристов впервые попал на Кавказ, в Пятигорск. Был жаркий полдень. Мы выгрузили свой багаж из электрички и вышли на привокзальную площадь. И вдруг откуда-то справа послышался отдаленный шум. Вскоре шум превратился в грохот, и на площадь выскочил грузовик, полный альпинистов. Во всю мощь своих молодых легких, оздоровленных хрустальным воздухом вершин, они сокрушали покой и благодать города Пятигорска. Казалось, сейчас эти парни выпрыгнут из своей машины и пойдут брать штурмом Цветник и Провал. Но, слава богу, машина на площади не остановилась, и ее грохот постепенно затерялся в кривых пятигорских улицах.

– Ну и ну! – сказал, покачав головой, стоящий рядом с нами старик-железнодорожник.

А между тем альпинисты всего-навсего пели песню. Песню, которую неизвестно кто и когда сочинил, песню, которую знает назубок любой альпинист, начиная с желторотых новичков и кончая суровыми мастерами высотных восхождений. Называется она «Репшнур-веревочка».

Неизвестный автор был, очевидно, человек решительный – он сразу брал быка за рога. Песня начинается так:

По травянистым склонам быстро
Спускались мы с Тютю-Баши.

Действие изображено, писать вроде больше не о чем, поэтому в двух последующих строчках сообщается кое-что о героях спуска:

И все мы были альпинисты,
И распевали от души.

Памятуя о том, что мелодии русских народных песен широко популярны, автор на мотив «Ленты-бантики да ленты-бантики» присочиняет такой припев:

Репшнур-веревочка,
Репшнур-веревочка,
Веревки в у́злы вяжутся.

А альпинисточки по скалам шляются,
Колесной мазью мажутся.

Нормальное ударение в слове «узлы» никак не укладывалось в размер. Поэтому получились «узлы». И странно: серьезные люди – научные работники, инженеры, рабочие, студенты – поют эти самые «узлы». Поют хором и мурлычут в одиночку, исполняют в концертах художественной самодеятельности, переписывают в тетради. Да и как же не переписывать? Ведь в песне сосредоточены важнейшие принципы альпинизма. Вот они:

В основе спорта альпинизма
Всегда стоял вопрос еды.
Коль не накормишь альпиниста,
Он ни туды и ни сюды.
В основе спорта альпинизма
Лежит художественный свист,
А коль свистеть ты не умеешь,
Какой ты, к черту, альпинист!

Может быть, некоторым товарищам, ни разу не бывавшим в горах, песня покажется редким экспонатом. Нет, это одна из самых распространенных альпинистских песен. Она живет уже многие годы, и неизвестно, сколько еще будет жить. И песня эта не составляет особого исключения.

Среди нашей спортивной молодежи бытует масса песен – бездумных, глупо-экзотических и просто пошлых.

Молодым людям, отправляющимся в поход, ничего не стоит, например, глубоко удивить пассажиров поезда таким сочинением:

Мы идем по Уругваю,
Ночь, хоть выколи глаза,
Но никто из нас не знает,
Скоро ль кончится гроза.
Только дикий рев гориллы
Нарушает в джунглях сон,
Осторожней, друг мой милый, —
Где-то воет саксофон…

Поется эта, с позволения сказать, песня на склонах Кавказских гор, в снегах Полярного Урала, в подмосковной электричке.

Кстати, об электричке.

Туристы, отправляющиеся в пригородном поезде на лоно природы, считают своей первейшей обязанностью оглашать окрестность песнопениями. А электричка полна народу: едут рабочие и служащие, едут дачники, рыболовы. И, пользуясь тем, что еще не введен штраф за публичную демонстрацию плохого вкуса, молодые любители путешествий хором начинают петь:

Я уходил тогда в поход,
В кавказские края,
Осталась дома банка шпрот,
Моя любимая.

Чтоб этот я прошел поход,
Чтоб жив остался я,
Пришли сюда мне банку шпрот,
Моя любимая.

Исполняется это произведение обычно под аккомпанемент залихватского гитариста, которому ноты не более знакомы, чем парикмахеру звезды в созвездии Волосы Вероники. А люди в поезде слушают. Слушают и вспоминают…

Я уходил тогда в поход,
В суровые края.
Рукой взмахнула у ворот
Моя любимая.

Война… Песня, которая пелась в землянках, в эшелонах, идущих на фронт, в партизанских отрядах… Хорошая, милая песня. Кто-то взял ее и испортил. И люди уходят в другие вагоны.

Туристы же продолжают петь: у них ведь еще в запасе отличная песня «Убит поэт»! И действительно, на мотив «Когда б имел златые горы» бессовестно распевается лермонтовское стихотворение. На этот же мотив поется «У лукоморья дуб зеленый». Просто диву даешься: откуда такая изобретательность?

В альпинистских лагерях иногда устраиваются вечера песни. Взрослые люди, образованные, начитанные, имеющие детей и занимающие солидные посты в учреждениях, громогласно утверждают следующее:

Я с детства был испорченный ребенок,
На папу и на маму не похож,
Я женщин обожал еще с пеленок,
Эх, Жора, подержи мой макинтош!

Я сам сторонник чистого искусства,
Которого теперь уж не найдешь.
Во мне горят изысканные чувства,
Эх, Жора, подержи мой макинтош!

Вслед за этим «опусом» знатоки русской словесности распевают песню про Одессу:

А гений Пушкин тем и знаменит,
Что здесь он вспомнил чудное мгновенье…

Из Новосибирска и Ленинграда, из Нижнего Тагила и Симферополя, из многих городов и сел нашей страны съезжаются люди в альпинистские лагеря на сборы и соревнования. Приезжают они туда наивными глупцами, усвоившими курс литературы в пределах школы или института и курс альпинизма по учебнику В. М. Абалакова. Уезжают же – всесторонне развитыми людьми, твердо знающими, в чем причина известности Пушкина и как формулируются основные принципы альпинизма.

Вот как обстоят дела с музыкальным бытом спортсменов. И все же было бы неправильно утверждать, что поются только такие песни. Теми же альпинистами написано немало привлека-

тельных песен. Назовем некоторые из них: «Баксанская», «Барбарисовый куст», «Снег», «Рассвет над соснами встает». А вот, например, задушевная лиричная «Поземка»:

Ветер поземку крутит,
Звезды мерцают в тучах,
А впереди мигают
Далеких сел огни.

Где-то гармонь страдает,
Кружится снег летучий
И серебром ложится
Около нашей лыжни.

Эти песни всегда поются с увлечением. Но беда в том, что их никто не пропагандирует. Печатаются изредка спортивные песни, написанные профессиональными композиторами. Но их почти не поют. Вернее, они сами не поются. Как правило, мелодии их маложизненны, а в стихах лишь формально рифмуются те или иные спортивные лозунги. И никто до сих пор не позаботился о том, чтобы как-то распространять лучшие песни, созданные самими спортсменами.

Этот фельетон написан против пошлости и безвкусицы, пустившей довольно глубокие корни в песенном спортивном быту. Но дрянные песни не искоренишь статьями и разговорами. Их можно искоренить только другими песнями – хорошими.

1959

Автор песни
Рассказ

Василий Николаевич проснулся оттого, что снизу шел густой табачный дым. «Опять курят», – подумал он и недовольно повернулся на другой бок. Но заснуть ему так и не удалось.

За окном темнела оренбургская степь. Поезд с синими огнями ночных лампочек летел сквозь марево рождающегося утра.

В одном купе с Василием Николаевичем ехали альпинисты. Беспокойная это была публика! Обедали они, например, так: привязывали к потолочному вентилятору веревку, на нее подвешивали ведро с помидорами, клали на стол соль, две буханки хлеба и поочередно брали помидоры из болтающегося ведра. И были страшно довольны. А что хорошего? Ни пройти, ни проехать. После обеда альпинисты укладывались на свои полки и молодецки храпели до вечера. Вечером, когда всем нормальным пассажирам надо бы на покой, они просыпались, доставали гитары, пели песни, рассказывали какие-то смешные, на их взгляд, истории, словом, до утра мешали спать.

Василий Николаевич вздохнул и сам было потянулся за папиросой. Неожиданно раздались аккорды гитары и кто-то негромко запел:

Где снега тропинки заметают,
Где лавины грозные гремят…

Василий Николаевич прислушался. Ему вдруг стало не по себе. «Не может быть, – подумал он. – Не может быть!» А молодой голос продолжал:

Помнишь, товарищ, белые снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага,
Помнишь гранату и записку в ней
На скалистом гребне для грядущих дней…

Василий Николаевич спрыгнул с полки и вышел в пустой коридор. Сонная степь проносилась за окнами вагона. Глухо стучали колеса. А из приоткрытой двери купе звучала песня.

Василий Николаевич закурил и прислонился виском к холодному стеклу…

Как это было давно!

…Сначала ему вспомнился снег. Снег на вершинах гор, на стволах сосен, в валенках. Снег, засыпавший землянку так, что в нее можно было только вползать. Снег сыпучий, в котором можно утонуть, как в воде, снег, закаленный жестокими ветрами, твердый, как клинок. Тяжелая тогда была пора. Был Василий Николаевич совсем молодым пареньком, и звали его Васей, просто Васей. Маленькая саперная часть, в которой он служил, уже целую неделю стояла у подножья Эльбруса. Связь была нарушена. В штабе армии эту часть, очевидно, считали погибшей.

Головные отряды фашистской дивизии «Эдельвейс» шли вверх по ущелью Баксана. Как далеко они продвинулись, никто не знал.

После многих неудачных попыток связаться с соседними частями созвали открытое партийное собрание. Речь шла не только о решении своей собственной судьбы – это был суровый разговор о войне и судьбе Родины.

Постановили: никуда из Баксана не выходить, заминировать дорогу, драться с врагом до последней возможности.

В тесной землянке было жарко. С бревенчатого потолка капала вода. По железной печурке бегали беспокойные золотые искорки…

Командир саперов старший лейтенант Самсонов, держа руки у раскаленной печки, тихо говорил:

– Другого решения я и не ждал. Но мы не знаем, где враг. Нужна разведка. Идти по долине навстречу немцам – бессмысленно. Тропа у нас только одна, и никуда с нее не уйдешь. Может, ты, Роман, предложишь что-нибудь?

Сержант Роман Долина поднялся с нар. До войны он занимался альпинизмом и хорошо знал район Эльбруса.

– Надо идти наверх, – сказал он. – Есть вершины, с которых долина Баксана просматривается на 30 – 40 километров.

– А много ли времени потребуется на восхождение? – спросил Самсонов.

– Сейчас скажу… Так… Значит, восемь часов подъема и часа три спуска. Короче, если завтра с утра выйти, то к вечеру, часам к девяти, можно быть уже здесь. Но это при хорошей погоде и видимости.

– Понятно, – сказал Самсонов. – Кто хочет идти с Долиной?

В землянке зашумели.

– Братцы! – гаркнул Роман. – Все равно с собой никого не возьму: альпинистов нет, а лишний человек мне, честно сказать, обузой будет.

– Я спрашиваю, кто хочет идти с Долиной? – спокойно повторил Самсонов.

Все замолчали. Долина примирительно кашлянул и сказал:

– Давайте, пожалуйста… Тогда уж пусть лучше Васька маленький идет…

Рассвет застал их на пути к вершине.

– И на что я тебя взял? – рассуждал Долина. – Конечности у тебя малогабаритные, силы – никакой… Минер ты, прямо скажем, средненький. Так себе минер…

– Ты за себя беспокойся, – огрызнулся Вася.

– Желчи много в тебе, Василий Николаевич, – усмехнулся Долина. – Потому ты и желтый такой. А желчь самым прямым образом происходит от злости. Вот возьми, к примеру, меня – я розовощекий, статный, красивый человек. А все почему?..

Долина вдруг остановился.

– Видишь тот гребень?

– Вижу.

– Так вот по нему мы поднимемся на вершину. А когда спустимся, выдам тебе справку, что ты совершил восхождение на вершину второй «а» категории трудности. После войны значок альпинистский можешь получить.

– Да отстань ты!

– Не хочешь? А то носил бы его на правой стороне груди вместе с многочисленными орденами и медалями. Весь колхоз ходил бы смотреть…

Так подошли они к гребню. Скалы круто уходили вверх.

– Носки на тебе шерстяные есть? – спросил Роман.

– Есть.

– Снимай.

– Зачем?

– Снимай, говорю. Руки поморозишь.

…Свирепый ветер толкал Василия в бок. Занемели руки в шерстяных носках. Камни, иногда срывавшиеся из-под ног, стремительно уносились в белую преисподнюю, рождая там грохочущие взрывы снежных лавин.

Только к вечеру разведчики добрались до вершины. Она оказалась куполообразным плато, на котором могли бы разместиться человек двадцать. Далеко внизу в серо-фиолетовой глубине плавали молочные облака.

– Кислое дело, – сказал Роман. – Тут можно просидеть неделю и ничего не увидеть… Устал?

– Малость есть.

– Ничего! Сейчас мы с тобой, друг, пещеру такую отроем – дворец!.. А вот к тому краю не подходи! Ступишь два шага – и прямым сообщением на тот свет. Понял?

Когда они отрыли пещеру, было уже совсем темно. Роман заложил вход двумя снежными кирпичами.

В эту ночь Василий спал тем мертвым сном, какой бывает только после тяжелой работы. На рассвете он проснулся от холода. Роман спал. Вася выбрался наружу. Густой туман мчался над снегами. Казалось, что огромная гора летела в бесконечном облаке, разрезая своей вершиной его невесомое тело…

– Туман? – спросил Долина, когда Вася вернулся в пещеру. – Я так и знал. Ну, может, к вечеру рассеется.

Целый день они просидели в пещере. Туман не уходил. Роман рассказывал какие-то альпинистские истории.

Наступила ночь. Разведчики дрожали от холода и сырости. Не спалось. Роман сидел согнувшись и что-то писал.

– Ты бы хоть свечку не жег зря, – проворчал Вася. – Что ты там пишешь? Секрет?

– Песню сочиняю, – серьезно сказал Долина.

– Песню? – удивился Вася. – Это что ж, про любовь у тебя песня? Супруге пошлешь?

– Почему супруге? Песни, брат, бывают всякие. Есть про любовь, а есть про войну. А эта про нас с тобой будет.

– Про меня и про тебя?

– Точно! – сказал Долина. – Про тебя и про меня.

– Ну-ка, прочти.

– Тут у меня малость не дописано. Начал я ее еще внизу…

Долина долго шелестел страницами записной книжки.

– Вот! – наконец сказал он, громко откашлялся и стал читать:

На костре в дыму трещали ветки.
В котелке дымился крепкий чай.
Ты пришел усталый из разведки
Много пил… та-ра-ра-ра-ра…
– тут не дописано…

Синими, замерзшими руками
Протирал вспотевший автомат
И о чем-то думал временами,
Головой откинувшись назад.

– Ну как?

– Здорово! – сказал Вася. – Просто здорово! Это когда мы с тобой в разведке были? Да?

– Ага… Крепко тогда нам с тобой досталось. Помнишь того рыжего с парабеллумом?

– Помню. С усами… Сверху, что ли, он на тебя прыгнул?

– Сверху. Если бы не ты – быть уже Роману Долине в бессрочном отпуску…

– А припев-то есть? – перевел разговор на другую тему Вася. – Или без припева?

– Нет, почему же, с припевом. Вот…

Помнишь, товарищ, вой ночной пурги,
Помнишь, как бежали в панике враги,
Как загрохотал твой грозный автомат,
Помнишь, как вернулись мы с тобой в отряд?

– Про пургу ты хорошо написал, – сказал Вася, – а вот про то, как враги бежали, малость подзагнул… Где ж это они от нас с тобой бежали?

– Не бежали – так побегут. Я ведь, знаешь, что задумал? Оставить эту песню здесь, на вершине.

– Ну и что?

– Уйдем мы с тобой вниз. А война-то когда-нибудь кончится? Немцев прогоним?

– Прогоним.

– Значит, будут они бежать?

– Будут, конечно!

– Молодец, Вася! Прямо философ!

– Ну ладно тебе обзываться-то!..

Было еще совсем темно, когда Роман и Вася вышли из пещеры, сложили небольшой тур из камней и спрятали туда гранату. Вместо запала в нее была вложена свернутая в трубочку записка о восхождении и текст, к которому за ночь Долина приписал новые слова:

Помнишь, товарищ, белые снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага,
Помнишь гранату и записку в ней
На скалистом гребне для грядущих дней…

Наступало утро, над горами повис морозный, ясный рассвет. Роман долго протирал бинокль, ругая все оптические заводы мира, потом замолчал.

– Вася, – шепотом сказал он. – Немцы.

По белой, покрытой свежим снегом долине Баксана тянулась длинная черная змея.

– Восемь километров, – прикинул Долина. – Перед ними взорванный мост… Мины… Мы успеем!

…Василий Николаевич плохо помнил, как они спускались вниз. Полтора часа продолжалась бешеная гонка. Они скатывались по снежным склонам, пробирались по леднику, цеплялись за ветки деревьев…

А когда выбежали на знакомую полянку и Вася упал на снег, бой был в самом разгаре.

Вася медленно поднялся. Горы качались перед ним, как качели. Самсонов лежал в сугробе за большим камнем и стрелял из ручного пулемета. Долина, припадая на одну ногу, перебегал от дерева к дереву. Вася вынул гранату и пополз к Самсонову…

Немцы отступили через час. Головной отряд прекратил атаки, решив, очевидно, дождаться подхода артиллерии. Самсонов собрал оставшихся в живых. Их оказалось всего восемь человек.

Решили уходить на другую сторону хребта, чтобы там на перевальной точке организовать оборону.

Сержант Роман Долина, раненный в ногу, к вечеру вывел отряд на перевал Хотю-Тау. Глубоко внизу, на дороге, рвались фашистские грузовики с боеприпасами…

Через день Долина был уже в госпитале. Вася остался на перевале. Потом началось наступление, панически бежали остатки дивизии «Эдельвейс»…

В 1944 году Вася получил письмо с Северного фронта от майора Цулукидзе, в котором сообщалось, что Роман Петрович Долина погиб в боях на реке Западная Лица.

…Василий Николаевич стоит в пустом коридоре вагона. В руке дрожит давно потухшая папироса. Альпинист с гитарой уже заснул. За окном вполнеба пылает багровый степной рассвет. По вагону прошел, потягиваясь, проводник.

– Не спится?

– Не спится, – сказал Василий Николаевич.

1960

Люди идут по свету

Неважно, в туристском походе ты, в геологической партии, на вершину ли идешь зарабатывать очередной разряд или просто так шагаешь, потому что нет и не предвидится попутных машин. Главное – идти по земле, видеть людей, пожимать им руки, калякать о том о сем. И, может быть, вот тут-то и чиркается в промокшую прошлой ночью и оттого покоробленную записную книжку какая-то строчка песни. Скорее всего она при дальнейшем просеивании пропадет, отстанет от других строчек, так и не войдет в саму песню. Но именно она рождает песню, как прачка – гения.

Так и подбираются эти песни – от дорожных разговоров, от странных закатов, от неистребимого самолетного запаха, от шума сосен на речном берегу. Или вот от родника, где, по свидетельству поэта и ученого Дмитрия Сухарева, ее очень даже просто можно зачерпнуть…

А между тем человека никто не просит писать что-нибудь. Тем более песню. У него другие обязанности перед обществом. Он должен приложить все свои силы для того, чтобы найти в Заполярье уголь. Или так спроектировать дом, чтобы при землетрясении он не развалился. Или продвинуть на шаг вперед сложную термоядерную науку. Или произвести новым методом в штольне массовый взрыв. И написать об этом. Но не песню. Отчет написать. Тем не менее человек, которого приятель научил трем аккордам на гитаре в тональности ре-минор, считает нужным ко всем своим жизненным делам приписать и сочинение песен.

Зачем это ему нужно? Он что, хочет занять место в Союзе композиторов? Нет. Он что, хочет «выбиться в люди»? Нет, он уже выбился. И в неплохие люди. Может быть, у него много свободного времени? Смешно! У человека трехлетняя дочь, две общественные нагрузки, кооперативная квартира, четыреста знакомых (по статистике), интриги со столяром, который должен сделать стеллаж. Несмотря на это, человек решил за ближайшие полгода выучить польский язык. Кроме этого, на кухне лежит вот уже два месяца приготовленная к капитальному ремонту и оттого крупно затрудняющая семейную жизнь байдарка «Луч». И вот – на тебе – еще пишет песни!

Человек отлично помнит, как он вступил на этот скользкий путь. Это было давно, на первых курсах института. Стремительно познавался мир. Из-за горизонта, как дредноуты облаков, выплывали важные вопросы. Человек задумывался, глядя в костер. Человек учился петь. Со своими друзьями. И не просто петь – красиво чтобы было. На голоса.

Ничто в полюшке не колышется…

И эта песня учила его больше, чем сто книг.

Там, вдали, за рекой, зажигались огни…

И эта песня учила его больше, чем сто семинаров.

В паровиках, которые ходили от Савеловского вокзала до станции Икша, человек пел «с наше покочуйте, с наше поночуйте…», и герои военных песен были ему братьями, словно он сам, а не его отец, прожил вместе с ними в землянке четыре военных года.

А про него самого песен не было. Ну, всякие там «Файдули-фай-дули-фай!» или «На кораблях матросы ходят хмуро» – это не в счет. А такие, которые, как говорили, адресовались ему лично, – эти как-то не пелись. И вот странно: человек решает сам написать песню. Нет, не песню, а песенку. Просто так. Для себя. И вдруг он узнает, что его песня понравилась друзьям. Вот это да! Вот это уж никак не ожидалось!

Но в большинстве своем песни умирали, так и не прижившись. Среди них было бесчисленное множество песен про глаза, отличавшиеся друг от друга лишь мастью: синие, черные, зеленые, «голубоватые слегка». Появился штамп. Песня о прелестях туризма: «Пусть дождь, снег, град, ветер, циклон, антициклон, цунами, торнадо – или другие метеорологические трудности – все равно мы пройдем этот маршрут». Или: «Как хорошо, что мы промокли». И опять бесконечный рефрен: «Пусть». Попадались песни и получше, но интересны они были для определенной группы людей, предположим, для второй группы первого курса. А четвертый курс, не говоря уже обо всем народе, на них не реагировал. Но среди этих наивных и часто совершенно беспомощных сочинений стали появляться песни, которые не умирали, которые вдруг сами по себе вспоминались, неведомыми путями ехали в другие города, перешагивали в другие институты. Они выжили в этом никем не организованном конкурсе, вошли в сердца людей прочно и надолго, ибо им перед этим пришлось выдержать конкуренцию с песнями, которые были хорошо оркестрованы, безупречно исполнены и переданы в эфир по всем правилам соответствующей техники.

Из слабого и ни к чему не обязывающего ручейка такая песня выросла в заметный поток. От ствола стали отрастать веточки: песня-размышление, диалог, монолог, рассказ, пейзаж. Из этой песни образовался новый жанр журналистики – песня-репортаж. И если сейчас можно подвести итог, то следует отметить, что, конечно, главное в этих песнях – слова, которые в большинстве случаев отвечают самым придирчивым требованиям песенной поэзии. Это и понятно. Большинство авторов подобных песен не имеют музыкального образования и, скажем прямо, менее талантливы в музыке, чем в стихах. Исключение, пожалуй, составляют три безусловно одаренных в музыкальном отношении автора – А. Якушева, Ю. Ким и Е. Клячкин. Кстати, это обстоятельство не раз отмечали и профессиональные композиторы.

И все же большинство этих песен не тяготеет к канонической форме, выбивается из ее догм и установок. Хорошо это или плохо – безапелляционно утверждать невозможно. Каждый раз это отдельный случай, который должен разбираться не по основному параграфу, а по дополнениям и сноскам к нему.

В этом явлении несколько раз пытались разобраться журналы «Молодой коммунист», «Октябрь». «Литературная газета» в прошлом году организовала большую дискуссию, но суть ее осталась весьма расплывчатой. Кроме того, газета начала эту дискуссию с письма некоего инженера, который критиковал слова одной альпинистской песни, выдавая ее за образец самодеятельных сочинений. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что слова эти действительно очень плохие – написаны профессиональным поэтом-песенником. Об этом газета почему-то умолчала.

Больше всех с этими песнями работает радиостанция «Юность», которая по-настоящему решила разобраться в этом явлении и оценить его.

Песни эти называют по-всякому. Самодеятельные. Студенческие. Туристские. Авторы их – «советские шансонье», барды, менестрели. Можно и еще что-нибудь придумать.

Но дело не в том, как их называть. Дело в песнях, которые говорят сами за себя, не нуждаясь в адвокатах. Дело в авторах, ибо они живут в гуще народа и в известном смысле сами являются его голосом. И черпают темы для песен в своей лаборатории, на своем заводе, на своем корабле или вот в роднике.

1968

Легенда седого Эльбруса

Эльбрус повидал на своем веку многое. По-разному относился к смельчакам, покорявшим его вершины. Но то, что произошло в начале февраля 1943 года, удивило даже его.

Сейчас все это окрашено в синие цвета легенды, хотя случившееся 17 февраля 1943 года для истории просто факт. Да и для двадцати смельчаков тогда это было обыкновенным боевым заданием.

Но сегодня, когда написана главная летопись Великой Отечественной войны, когда расшифрованы в многотомных мемуарах детали каждого ее дня, мы знаем, что 17 февраля 1943 года вошло в историю войны днем крушения фашистской символики с высочайшей точки Европы – Эльбруса. И знаем, что только еще два подобных акта было совершено в войну – на Акрополе и рейхстаге. Но «эльбрусская эпопея» – это больше тысячи советских людей, спасенных от изуверств фашистов.

Однажды в Федеративной Республике Германии проводилась примечательная викторина для молодежи. Тема – минувшая война. Главный приз – автомобиль. Причем его можно было получить за ответ на один вопрос: «Кто и когда водрузил знамена рейха над Эльбрусом?»

Мы не надеемся выиграть западногерманский автомобиль, потому что ответим на этот вопрос, очевидно, не так, как хотелось бы устроителям викторины…

Итак, кто СНЯЛ знамена Третьего рейха с Эльбруса?

Бечо – трасса мужества

У них был приказ. И они должны были его выполнить. Любой ценой. А они не захотели ЛЮБОЙ. И, может, поэтому вошли в память людскую.

Жанр очерка предполагает известную долю авторского домысла. На сей раз его не будет. Только факты. Тем более что память сохранила Александру Игнатьевичу СИДОРЕНКО, заслуженному мастеру спорта, оператору студии «Союзспортфильм» почти все детали той драматической истории.

А.И. Сидоренко: Как раз накануне войны я был назначен начальником альпинистского лагеря «Рот-фронт». Вместе с мастерами спорта Г. Одноблюдовым и А. Малеиновым приехал на Кавказ. Но тут грянула война, и мы на базе лагерей с помощью военкоматов организовали пункты по подготовке допризывников. Снаряжение, продовольствие – все использовалось. Потом мы сами стали солдатами и занялись специальной переподготовкой горнострелковых частей, разведкой, разработкой операций в горах, которые мы знали как свои пять пальцев.

Июль – август 1942 года. Немцы в это время прорвали оборону где-то в районе Ростова. Танковые армии Клейста довольно быстро подошли к Главному Кавказскому хребту. Немцы рвались к грозненской и бакинской нефти: они бросали в наступление свои отборные части, в том числе альпийскую дивизию, которую комплектовали опытными спортсменами. Кстати говоря, Гротт, капитан, который руководил потом установкой немецких флагов на Эльбрусе, раньше участвовал в альпинистских восхождениях на Кавказе.

К нам, альпинистам, попавшим перед войной на Кавказ, примкнул Николай Моренец, парень из города Сумы, который перед войной был мобилизован в армию и служил в Пролетарской дивизии. При защите Москвы был ранен тяжело: вся спина в осколках, скрючены пальцы на левой руке. Пока что он был списан и числился военруком в Тырныаузе, в школе. Из этой школы пришел к нам и Гриша Двалишвили, паренек лет семнадцати. А ситуация была такая: надо выводить работников Тырныаузского молибденового комбината из-под удара врага. Потому что немцы уже подкатывались к Главному Кавказскому хребту, дорога через Нальчик отрезана. Единственный путь – через Главный Кавказский хребет.

Остановились мы на перевале Бечо. Это снежный перевал через Главный Кавказский хребет высотой в 3 тысячи 375 метров.

В первых числах августа, примерно 8-го или 10-го, большая колонна автомашин, в которые погрузили всех работников и их семьи, доехала до селения Тегенекли, километров тридцать выше по Баксанскому ущелью. Там была туристская база под таким же названием. Мы пересчитали людей. Оказалось больше тысячи. Причем были дети, матери с грудными младенцами. Для нас этот перевал не представлял такой сложности, потому что мы, альпинисты, знали и более сложные вещи, но для этих людей все было необычно, и опасно, и сложно. Например, такие вопросы задавались: может ли перейти через перевал человек, у которого астма? Представляете наше положение? Ну, нам ничего не оставалось, как ответить: может. А как детей переносить грудных? Вот тут уже сами изобрели такое снаряжение: простыней привязывали ребенка около груди, потому что надо, чтобы руки были свободными: нужно опираться на палку, держаться за какой-то канат, который мы подвешивали на трудных местах. Я вспоминаю: в группе была машинистка с одним легким, да и то туберкулезным.

Было в нашей первой группе примерно сто человек, из них около тридцати ребят: малышей от самого грудного возраста и лет до семи. Николай Моренец ходил вдоль колонны, подбадривал. Таким образом мы в несколько приемов одолевали трассу. То, что проходили туристы, например, за два часа, мы преодолевали за шесть, семь часов с остановками. Так мы подошли к первым снежникам и к леднику.

Перед ледником мы остановились, так как впереди была «куриная грудка», самый крутой взлет снежного гребня. Лед, а на нем снег, крутой, ну, градусов, может быть, под сорок. Это самое трудное место в переходе. И, как назло, несколько ишаков, завьюченных продовольствием, вдруг провалились в трещину. Как сумели успокоили людей.

И там матери, которые своих ребят до этого несли сами и не доверяли их, увидели, что здесь совсем опасно. И ребят переносили мы сами, в несколько приемов – одного ребенка, второго, третьего.

А эту машинистку, которая потеряла силы, пришлось тоже на себе перенести на «куриную грудку» – потом она несколько дней отсиживалась, приходила в себя.

В это время туда пришли наши передовые армейские части и уже устанавливали пулеметные гнезда: готовился второй эшелон обороны наших войск.

Ну, перевал был взят. Дальше довольно крутой спуск на юг. Весь снежный, переходящий в крутую тропу. А в это время разливаются горные ручьи. Но другого пути не было.

Так мы несколько раз поднимались с Северного Кавказа на Главный Кавказский хребет и спускались в Грузию, в Сванетию. Весь переход занимал почти сутки. Очень долго. Из-за того, что группа была немобильная.

Вот так мы перевели в несколько приемов 1500 человек. Весь этот переход прошел «безаварийно», никаких жертв не было. Даже старик с астмой – и тот прошел. И еще – помню: когда мы поднимались за очередной партией, дул ветер, встречный, сильный, – смотрим, двое идут в тумане. Оказалось, девчонка лет семи и старушка. Я спросил: «Сколько вам лет, бабушка?» Она говорит: «73 года». – «Ну как, идти-то трудно?» – «Да, трудно, – отвечает, – но у немца-то оставаться не хочется, надо идти».

Так с внучкой и прошла этот участок.

Нужно сказать, что я на этом походе лишний раз убедился в силе и мужестве наших людей. Страшно было. Но прошли. Знали: у немцев оставаться нельзя. Бросили все, что было, дом, понимаете, уют, все бросили.

Прошлым летом А. Сидоренко побывал в тех местах. Произошла волнующая встреча. К сожалению, словами трудно передать атмосферу этой встречи, те слезы благодарности, которые вдруг не сдержала бывшая работница Тырныаузского комбината *Евдокия Ивановна ЛЫСЕНКО:*

Двенадцатого августа нас направили в путь. Дали в руки альпинистскую палку, сына одного увязала в простынь, второго за ручку… а меньшому было год и четыре месяца. Температура у ребенка сорок была.

Шли мы тропинками, страшными, жуткими. Шли за альпинистами. Благодаря им прошли через страшные водопады, где не видать ни дна, ничего. Насилу прошли. Лед, трещины трещат, ломаются, а мы переходим. Только переступишь, ребенка перетянешь – расколется лед…

Потом стали лезть по канату, триста метров на вершину. Я ребенка одного в простыне, другого за ручку. А сама за веревку хватаюсь и тяну. И тут уже на вершине подхватывали солдаты детей и нас.

Мы сюда добрались, а потом спускаться начали. Ребенка вяжешь, второго сажаешь на себя и, как на санках, спускаешься вниз. И поехали. Ехали, не знаю, может, в пропасть, может, еще куда. Потом от нас альпинисты ушли, а мы с войсками остались. Но до этого речку переходили. Никак не можем нигде перейти. Альпинисты перелезли, и мы начали бросать детей через речку. Как ребенка возьмут бросать, так у матери сердце обрывается. Перебросали детей, потом сами стали переходить, все мамаши перешли…

Такова прелюдия подвига, который предстояло совершить Александру Сидоренко, Георгию Одноблюдову, Николаю Моренцу и семнадцати их товарищам.

Над Кавказом – знамя красное!

Из рассказа бывшего начальника группы, заслуженного мастера спорта, профессора МГУ *Александра Михайловича ГУСЕВА:*

…Откровенно говоря, мы давно ожидали этого приказа, так как знали, что егеря фашистского капитана Гротта, бывавшие на Эльбрусе до войны, установили 21 августа 1942 года два черно-красных знамени на вершинах Эльбруса. Геббельсовская пропаганда шумно разрекламировала это событие как чрезвычайный подвиг, допуская в словах и иллюстрациях явную фальсификацию. Утверждала, что вершины брались с боя, на снимках егери почему-то имели заснеженные рты и брови в сосульках (в августе-то!), да и само утверждение «покоренный Эльбрус венчает конец павшего Кавказа» являлось фактом скорее желанным, нежели действительным.

В резерве Закавказского фронта находилось немало альпинистов, просивших командование разрешить им восхождение на Эльбрус, чтобы сорвать немецкие флаги. Конечно, любой риск был бы оправдан, однако жертвовать людьми командование не могло, так как склоны и ущелья хорошо простреливались гитлеровцами с окружающих высот.

К началу февраля завершился разгром немцев на Кавказе, и тогда наши рапорты были удовлетворены: группа альпинистов из двадцати человек тремя отрядами двинулась в путь. Это было первое массовое восхождение на эту вершину в условиях военной зимы. Мы знали, что нас подстерегало: кроме меня и заслуженного мастера спорта Николая Гусака, зимой на Эльбрус никто не восходил, нам были неизвестны расположения минных полей, а что стоило самодельное альпинистское снаряжение?! Большой груз оружия, минимум питания, неясность обстановки…

Через Крестовый перевал, через только что освобожденный Нальчик и Баксанское ущелье, через перевалы Бечо и Донгуз-Орун вышли мы к подножию Эльбруса. Все мосты через реку Баксан оказались взорванными, и продвижение шло медленно: глубокий снег, трещины, мины подстерегали нас на каждом шагу.

На «Приюте одиннадцати» отряды объединились. Домик «Приюта» был поврежден бомбежками, но укрыться в нем от непогоды оказалось возможным, и это было весьма кстати, так как все говорило о приближении бурана.

Бушевал он целую неделю. Кончились продукты. Положение становилось критическим, и мы решили штурмовать вершины двумя отрядами, в любую погоду, по очереди страхуя друг друга. Желание «дать фашистам по морде», а заодно и поставить точку над кавказским разгромом врага переполняло душу…

Здесь нам бы хотелось прервать рассказ Александра Михайловича и предоставить слово единственной женщине – участнице легендарного восхождения Любови Георгиевне КОРОТАЕВОЙ, преподавателю Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы:

Почти все были офицерами, почти все успели окончить до войны институты. Самому старшему из нас было 28 лет. Ребята эрудированные, начитанные. Ника Персианинов мог, например, прочитать наизусть «Илиаду» Гомера.

Однажды мы с Андреем Грязновым получили задание: установить пути отступления немцев с Кавказа. Целый день пролежали в снегу на хребте Когутай. А в такой обстановке разные мысли приходят, и мы решили это место отметить. Вынули из одной гранаты запал, написали, что такого-то числа здесь были в разведке лейтенанты Грязнов и Коротаева.

Потом сложили тур из камней и положили туда гранату. Договорились, что кто первый после войны придет – сообщит другому, что снял эту гранату. Ни ему, ни мне не пришлось больше там побывать…

Пришло время – нам приказали сорвать немецкие флаги. Начался путь из Приэльбрусья.

Когда мы остановились в Итколе ночевать, то установили дежурство на веранде балкарского домика. Была чудная лунная ночь, и как раз из Иткола было очень хорошо видно гребень, на котором оставили мы гранату. Все вышли на балкон. Андрей Грязнов стал напевать про себя песню, а потом случайно у него сложились слова: «Помнишь гранату и записку в ней». А потом кто-то добавил: «На скалистом гребне для грядущих дней». И у нас такой энтузиазм сразу вдруг появился к сочинению – и начали создавать. Вот слова «Баксанской песни» – она, вы знаете, как начинается:

Где снега тропинки заметают,
Где лавины грозные гремят,
Эту песнь сложил и распевает
Альпинистов боевой отряд…

К нам очень часто приходили другие ребята-альпинисты. Когда они из своих отрядов шли, нас не могли миновать, потому что мы располагались как раз на «столбовой дороге» в Баксанском ущелье. Коля Моренец, украинец, симпатичный парень, высокий такой, очень хорошо пел. Он пел нам романсы и вообще склонность слагать стихи проявлял. У него много было стихов – мы думали, что он будет знаменитым поэтом. Вот им и была осенью 1942 года сложена песня «Барбарисовый куст»:

Мне не забыть ту долину,
Сложенный холм из камней,
И ледоруб в середину
Воткнут руками друзей.
Ветер тихонько колышет,
Гнет барбарисовый куст,
Парень уснул и не слышит
Песни сердечную грусть.

Почему именно барбарисовый куст? В Баксанском ущелье очень много барбарисовых кустов, и я думаю, что для Коли именно поэтому он стал каким-то символом.

Эти песни, когда мы собираемся, а у нас традиционные сборы каждое 17 февраля, поем за праздничным столом.

Наступал ответственный момент: все три отряда, объединившись у «Приюта одиннадцати», готовились к штурму вершин. Слово – документу. Дневнику, который велся сначала группой *Н. ГУСАКА,* а затем стал летописью и всего отряда.

Штаб Закавказского фронта поручил младшему лейтенанту Н.А. Гусаку подобрать и снарядить группу военных альпинистов с задачей: снять фашистские вымпелы с вершин Эльбруса и установить советские флаги.

В состав группы вошли: Г. Одноблюдов, Габриэль Хергиани, Бекну Хергиани, Б.В. Грачев, В.П. Кухтин, А.И. Сидоренко.

…Уже две недели плохая погода.

29.01.43. На лыжах от Местии пришли в Бечо. Получили продовольствие и снаряжение.

30.01.43. Вышли на промежуточную базу. Вечером получили приказ: отзывали сопровождающий отряд и В. Кухтина. Спустился в Бечо и Н. Гусак.

31.01.43. В 14.00 Н. Гусак сообщил, что отряд уходит. Снегопад.

01.02.43. Оформили документы. Отстояли В. Кухтина. Оставили в селении Доли лишние вещи. В 17.00 прибыли на Промежуточную. Пасмурно.

03.02.43. Прекрасная погода! С перевальной точки увидели Эльбрус, Донгуз-Орун, Тегенекли-Баши. Внизу Кабардино-Балкария, родной «Рот-фронт». Сердце охватило радостное волнение… В 17.00 на перевал поднялись Гусак и Одноблюдов. У Торопова сдало сердце. Его отправили вниз. Ночью почти не спали. В 13.15, кроме Гусака и Одноблюдова, начали спуск на север. У опушки леса проволочные заграждения с подвешенными гранатами, окопы, пулеметные гнезда, обуглившийся каркас блиндажа. Здесь были немцы… От дома остались стены. Уцелел кусок электропроводки. Гордость ротфронтовцев – гидростанция с наливным деревянным колоссом – руины. Щемило сердце… Все равно восстановим!!!

04.02.43. В 17.30 пришли на «Кругозор». Строений нет. На морене выше бывшего здания «Интуриста» ряд немецких землянок. Встретили группу Николая Моренца. Нашли страницу из немецкого журнала. На фото специально посыпанный снегом портрет немецкого егеря, по-видимому, капитана Гротта, здание «Приюта одиннадцати», немецкие флаги на Эльбрусе. Изрядно потрепанные ветром. Рядом высокопарный текст, воспевающий «подвиг героев».

08.02.43. Погода ясная. В 10.00 из немецких землянок, расположенных в конце морены, что выше «Кругозора», вышли на «Приют одиннадцати». До второй морены глубокий снег. Грачев и Багров впереди на лыжах. Несколько человек в снегоступах, остальные пешком. В 14.30 увидели «Приют одиннадцати». Над ним летает стая ворон. Никаких следов и признаков жизни. Грязнов и Бекну из карабинов сделали несколько выстрелов по приюту. Только вспорхнули и улетели вороны. В 15.15 подошли к приюту.

Из комнаты № 210 на втором этаже выбросили снег. Вставили стекло и фанеру. Затопили печку. Через три часа с потолка и стен потекли ручьи. Стало теплее. Хорошо поужинали. Настелили на пол матрацы (их здесь много) и сравнительно прилично поспали.

09.02.43. С утра тихо и ясно. Только бы идти на вершину. Отдыхали. Осмотрели помещение и окрестности. С полудня усилился ветер. Минус 20.

10.02.43. Низкая облачность, снегопад, метель. В 10.15 вышли на разведку на «Ледовую базу». Весь путь немцы аккуратно маркировали еловыми жердями. В 11.30 были у цели. На высшей точке морены у домика «Ледовой базы» два живописных березовых креста. Оба отошедших в иной мир немца имели по железному кресту.

День ясный. Готовились к выходу на вершину: затачивали зубья кошек, штычки ледорубов, шили защитные маски, меховые носки. Выход назначили на два часа ночи.

Вечером Гусак увидел на плато трех человек, которые поднимались к нам. Мы дали салют из карабинов и автоматов. Как мы и предполагали, это была группа А.М. Гусева с киноопера-

тором. Когда стемнело, в нашу каюту вошли А. Гусев, Е. Белецкий, Е. Смирнов, Л. Кельс, В. Лубенец и кинооператор Ника Петросов. Объятия, рукопожатия, восклицания. Кто ожидал, что здесь в такое время соберется столько альпинистов! Решили отложить день выхода на вершину и идти всем вместе.

13.02.43. Гусев и Гусак не спали. Погода испортилась. Западный ветер, облачность, снегопад. Гусак нервничает. Решил идти группой на Западную вершину. В 2.30 вышли Гусак, Белецкий, Бекну и Габриэль Хергиани, Смирнов и Сидоренко. Одноблюдов вернулся (не совсем в форме, недоволен погодой), но потом ушел с группой Гусева.

Ориентировка затруднена. Взяли левее. Габриэль и Сидоренко проваливались несколько раз в трещины. За вершину принимали «Приют Пастухова». Гусак пошел направо и обнаружил там «Приют» – голые скалы. У Белецкого то и дело гнутся на левой кошке зубья. Трудно чинить на таком ветру. Туман на миг рассеялся, и мы увидели вершину. На альпенштоке шелковый лоскут – обрывки немецкого военного флага. Много снега. Тура и записки не нашли. Установили советский флаг. Написали записку. Во время спуска туман рассеялся больше. Хергиани увидел на западе геодезическую вышку. Вернулись и подошли к вышке. Обнаружили корешки от двух немецких военных флагов. Один был привязан к альпенштоку и валялся на снегу, другой был подвешен к вышке. Разбили ледорубами снежный надув, тянувшийся от вышки на запад. Записки немцев нет. Взяли записку группы Ковалева за 1940 год. Пошли на спуск. На седловине короткий отдых. Без особых приключений, ориентируясь по телефонным столбикам, спустились к скалам ниже и правее «Приюта Пастухова». Столбики кончились. Туман сильно затрудняет ориентировку. Куда идти?.. Внизу услышали стрельбу из автоматов и карабинов, ручного пулемета. Начало темнеть. В 17.40 нас поздравляли товарищи у приюта. Погода усиленно портилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.